

THE ALTAR FROM THE TEMPLE OF AMUN AT THE BAHARIYA OASIS WITH THE EGYPTIAN ROYAL NAMES OF ALEXANDER THE GREAT. II. INTERPRETATION AND DATING

I. A. Ladynin

This is the second part of the study devoted to an object that bears the hieroglyphic inscription with the unique Pharaonic titlature of Alexander the Great containing all the five traditional names. Alexander's names on the artifact are different from those found on his Egyptian monuments (the latter showing not more than three of them), their major theme being his world dominance. Especially significant is the Horus' name *ḥqꜣ ḥqꜣw nw ʔ (r) dr:f* («Lord of lords of the earth (to) its limits») indicating, as it seems, his succession to the Achaememids (cf. their traditional title «King of kings»). The author argues that there are no indisputable reasons to date the artifact to the reign of Alexander (F. Bosch-Puche's arguments founded on the paleography of the Greek inscription on the artifact are weak); rather, it was erected under the early Ptolemies in order to show their succession to Alexander and to highlight his «Egyptian mythology» shaped around the famous episode in the Siwa Oasis.

Keywords: Alexander the Great, Bahariya, royal names, continuity, Achaemenians, world power, Ptolemies, ideology.

© 2014 г.

В. П. Завьялова

ДВА ПРОРОЧЕСТВА КАССАНДРЫ

На примере анализа двух пророчеств Кассандры из поэмы Ликофрона «Александр» автор показывает, что поэму невозможно понять и оценить вне эстетических принципов эллинистической поэзии. Для александрийских поэтов главную роль играет не сам сюжет или мотив, а скорее поэтическая деталь, мифологическая подробность. Пророчества Кассандры в поэме могут быть пространными и подробными (например, о послевоенной судьбе Одиссея) или краткими (например, об основании Кирены) – разница будет лишь в количестве подробностей на фоне широчайшего охвата мифологической традиции, без знания и понимания которых текст Ликофрона – настоящий поэтический ребус.

Ключевые слова: Ликофрон, поэма «Александр», Каллимах, Аполлоний Родосский, александризм, поэтическое иносказание, мифологические варианты и вариации.

Знаменитейший александрийский грамматик и поэт, автор многих произведений в разных жанрах Ликофрон Халкидский в Новое время более известен как создатель самой загадочной и темной во всей античной литературе поэмы «Александр». Уже в древности его поэма, полная неясных намеков, мифологических аллюзий и иносказаний, считалась одним из самых трудных для понимания произведений и требовала многих пояснений и комментариев. Как писал А.Ф. Лосев¹,

Завьялова Валентина Петровна – кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

¹ Лосев 1957, 470.

«по ученой изысканности Ликофрон, может быть, наиболее яркий представитель александризма. Читать его можно только обложившись многими и притом весьма специальными справочниками и исследованиями». В языке и стиле «Александры», по словам С.С. Аверинцева², «архаическая замысловатость оракула становится предметом сознательной, последовательной и притязательной стилизации», где «слова двоятся, просвечивают друг сквозь друга, отражаются друг в друге».

И тем не менее, если из двадцати перечисленных в «Суде» трагедий Ликофрона (напомню, что он входил в знаменитую александрийскую Плеяду) до нас дошли только названия или небольшие фрагменты, поэма «Александра» (1474 стиха) не только дошла целиком, но дошла в 150 (!) рукописях. Поэма всегда была популярна: в поздней античности, в византийское и новое время ее читали, комментировали, цитировали и пересказывали. Первый серьезный комментарий грамматика Фаона появился уже в конце I в. до н.э. Первое издание поэмы в новое время было осуществлено Альдом Мануцием в 1513 г. вместе с сочинениями Пиндара, Каллимаха и Дионисия Периегета. На популярность «Александры» не повлияли даже сомнения, высказываемые в разное время по поводу авторства и датировки поэмы.

Поэма «Александра», написанная ямбическими триметрами, размером, характерным для драматического, а не для эпического произведения, как известно, представляет собой череду пророчеств Кассандры, дочери Приама, в день отплытия Париса из Трои за Еленой. Монолог Кассандры (из-за которого поэму иногда называют монодрамой) передает Приаму стражник. В самой прихотливой последовательности, без какой-либо видимой логической связи Кассандра предсказывает многие события Троянской войны, оплакивает бедствия троянцев, говорит о возвращении греков – победителей на родину, о злключениях и смерти Одиссея. Среди прочих мифов она вспоминает о походе аргонавтов, о Тесее и Персее, останавливается на бегстве Энея в Италию. Она также пророчествует о некоторых событиях греко-персидских войн и походов Александра Македонского.

Все это описывается в форме сложных иносказаний, с употреблением редких слов, множества метафор, перифраз, с нагромождением мифологических, исторических имен и фактов, географических топонимов. Из различных версий мифов и событий предпочтение отдается тем, которые носят трагический характер. Установка на трагичность и энигматичность четко формулируется автором уже во вступлении к поэме: поэма начинается с «ужасного вопля» Кассандры, которая «вкусивши лавр, слова вещала Фебовы» при этом «смысл слов сокрыт был... тьмен и ужасен, словно Сфинкса речь» (Lycophr. 5–7)³.

В данной статье на примере интерпретации двух пророчеств Кассандры – пророчества об основании Кирены и пророчества о смерти и захоронении Одиссея – мы хотели бы показать, что поэма Ликофрона – целиком произведение эллинистическое, которое невозможно понять и оценить вне общих художественно-эстетических принципов эллинистической поэзии. Данная поэма – это не просто одно из характернейших произведений александрийской поэзии, многие детали и подробности у Ликофрона не могут быть поняты и правильно оценены без учета общей

² Аверинцев 1997, 137.

³ Перевод М.Е. Грабарь-Пассек по изданию: История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 97.

художественной действительности его времени. Александрийцы – и Ликофрон, может быть, в первую очередь – создают свои произведения на базе всей мифологической традиции, прекрасно зная варианты и вариации того или иного мифа, но для них первостепенную роль играет не тот или иной сюжет, а, скорее, поэтическая деталь, мифологическая подробность. Из таких деталей и подробностей соткана вся ткань ликофроновской поэмы, и по ним читатель должен «угадать» тот или иной мифологический сюжет.

Первое пророчество касается истории основания Кирены. Это пророчество не самое загадочное в поэме, и оно никогда не вызывало споров относительно своей аутентичности. Мифическая история одной из богатейших и влиятельнейших колоний греков на побережье Африки была хорошо известна в древности. Легенды и мифы об основании Кирены дошли до нас в передаче Геродота (Hdt. 4. 164–179), Пиндара (Pind. Pyth. 4. 12–57), Страбона (Strab. 17. 837) и др. О Кирене много и охотно пишут современники Ликофрона: Каллимах (Callim. h. Apoll. 72–95) и Аполлоний Родосский (Apoll. Rhod. 4. 1548–1561). Кассандра у Ликофрона предсказывает губительную судьбу почти всем участникам Троянской войны, включая тех, кого будут «оплакивать... пески земли Тавхирской». Так, переходя к киренскому эпизоду, поэт сразу иносказательно поведает о тех, кто окажется в Ливии. Тавхира – город в Киренаике, позднее – Арсиноя. Данный топоним встречается у Геродота (Hdt. 4. 171) и Страбона (Strab. 17. 856). Среди ливийских пророчеств по ассоциации Кассандра вспомнит о предшественниках троянских героев, других мифических скитальцах – аргонавтах, которые именно в этих местах похоронили Мопса и над могилой его воздвигли поломанное весло. Воспоминание об аргонавтах в свою очередь наведет ее на историю основания Кирены – она начиналась с них и здесь. Через такой тройной ассоциативный ряд выстраивается следующая история у Ликофрона. Аргонавты, попавшие в Ливии в район озера Тритониды, потеряли обратный путь. Чтобы его найти и выбраться к морю «колхидянка» (Медея) дала Тритону «щедрый дар» – как потом выясняется, «кратер, из золота кованный». Тритон, напомним, – сын Посейдона и Амфитриты, морской бог, преимущественно бог озер и, в частности, бог озера Тритониды в Ливии. Медея дает Тритону кратер с тем, чтобы он «путь указал меж рифами» и этим путем Тифид, кормчий «Арго», знаменитый звездочет «провел корабль в сохранности» (Lycophr. 877–890). Во время общения с аргонавтами «бог двуобразный, моря сын» (Тритон, который имел наружность получеловека-полурыбы) предскажет, что настанет час:

Взять грекам эти земли во владение,
Когда народ ливийский, дикий эллину
Дар возвратит и из родной земли уйдет,
Страшась его желанья, все имущество
Асбисты скроют в самой глубине земли.
(Lycophr. 890–896)⁴

Вот и все предсказание. Как видим, достаточно краткое и конкретное, никакой нарративной линии нет. Но почти каждое слово требует пояснений и комментариев. По счастливой случайности мифы, касающиеся основания Кирены, или их пересказы сохранены у многих авторов, и только поэтому мы сейчас можем понять, о чем идет речь у Ликофрона. Конечно, всем хорошо известно, что греки,

⁴ Перевод поэмы «Александра» Ликофрона здесь и далее приводится по: Ликофрон 2011. Греческий текст «Александры» Ликофрона дается по изданию: Mooney 1921.

выходцы с острова Фера, в VII в. до н.э. (631 г. до н.э.) действительно «взяли эти земли во владение», т.е. пришли к ливийским берегам и основали здесь колонию и город Кирену. Но обстоятельства основания Кирены у разных авторов передаются по-разному.

У Геродота Ясон и его спутники получают пророчество от Тритона, подарив ему треножник еще до плавания в Колхиду, поэтому Медея у Геродота не упоминается (Hdt. 4. 179). Но из Геродота становятся понятными слова Ликофрона о том, чего боялись асбисты (асбисты – одно из автохтонных ливийских племен) и что они спрятали в земле. О предсказании Тритона Геродот пишет: «Восседая на этом треножнике, Тритон изрекал предсказания о будущем Иасону и его спутникам: если один из потомков, пльвших с ним на «Арго» героев, привезет домой этот треножник, тогда непременно вокруг озера Тритониды возникнет сто эллинских городов. Услышав это предсказание, местные ливийцы спрятали треножник» (Hdt. 4. 179)⁵. Итак, у Геродота речь идет о треножнике, а не о кратере, и становится понятным, почему местное население – асбисты – боялись пришедших в эти края греков. До греков и при греках в Киренаике жили многочисленные кочевые племена, из которых чаще других упоминаются адирмахида, гилигамы, асбисты, авсхисы, насамоны, псиллы, гараманты, маки, гинданы, лотофаги, махлии, авсеи и др. (Hdt. 4. 168–180). По Геродоту, асбисты живут южнее Кирены, их область не доходит до моря, так как «побережьем владеют киренцы» (Hdt. 4. 170). Но сначала там жили гилигамы и асбисты, они не пускали греков на побережье, и, как пишет Геродот, первоначально греки вынуждены были заселить остров Платею, а затем уже на материке в местности Азирида основали свой город (Hdt. 4. 169). Принимая во внимание версию Геродота, понятной становится первоначальная вражда между греками, основателями колонии, и местным населением. Грекам, как известно, сначала пришлось даже вернуться на родину, и только после второго пророчества Пифии они окончательно обосновались в Ливии, о чем хорошо помнят не только Ликофрон, но и Каллимах.

У Пиндара пророчество произносит Медея, «мощная духом» (Pind. Pyth. 4. 12–57)⁶. Пророчество касается острова Феры: «Быть Фере матерью больших городов» (Pind. Pyth. 4. 20). Как залог исполнения пророчества «одиноким богом», явившись перед аргонавтами в образе смертного человека и назвавшись Еврипилом, вручил Евфаму, одному из аргонавтов, сходявшему с корабля, «ком пахотной земли», чтобы «четвертое колено кровных его... наложило данайскую руку на просторы материка». Но, как пишет Пиндар, «канул тот подарок... увлеченный в вечерний час влажною солью моря» (Pind. Pyth. 4. 36–37), и «забвение было в их душах», т.е. аргонавты потеряли подаренный ком земли, забыли об этом пророчестве и не исполнили его (ibid. 4. 41). Поэтому потребовалось новое пророчество «из чертогов, обильных золотом» Феба, когда пришел муж (имеется в виду Батт) в пифийский храм (ibid. 4. 52–55) и дважды Пифия ему пророчествовала об основании новой колонии в Ливии. Так излагает эту историю Пиндар.

У Аполлония Родосского заблудившиеся в Тритониде аргонавты по приказу Орфея посвящают местным богам треножник Аполлона (Apoll. Rhod. 4. 1548–1561)⁷.

⁵ Перевод Геродота здесь и далее приводится по изданию: Геродот. История / Пер. и прим. Г.А. Страгановского. Л., 1972.

⁶ Перевод Пиндара здесь и далее приводится по изданию: Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты / Издание подготовил М.Л. Гаспаров. М., 1980.

⁷ Перевод Аполлония Родосского здесь и далее приводится по изданию: Аполлоний Родосский. Аргонавтика / Пер. Г. Церетели // Александрийская поэзия. М., 1972.

Пророчество произносит Тритон, приняв облик юноши, и дарит аргонавтам ком земли (ibid. 4. 1551–1561). Евфем охотно принимает «глыбу земли», но забывает о ней и вспоминает лишь после приснившегося пророческого сна – сам Эзонид помогает его истолковать: «В море брошенный ком превратят бессмертные в остров», чтобы потомки Евфема поселились на нем. А затем они должны вернуться в Ливийскую землю, ведь «сам Тритон вложил земли Ливийской частицу» (ibid. 4. 1749–1754). Иными словами, по Аполлонию, остров Фера – это частица ливийской земли, а ее жители – потомки аргонавта Евфема, которые для исполнения пророчества целиком должны вернуться в Ливию.

У Каллимаха киренское пророчество произносит сам Феб, именно он земли отчизны моей для Батта назначил:

Он и народ предводил, вступавший в Ливию, враном
Справа явившись вождю, и клялся город и стены
Роду наших владык даровать; и клятвы сдержал он.
(Callim. h. Apoll. 11. 65–69)⁸

Каллимах помнит и о том, что греки не сразу основали Кирену:

В оное время дорийцы еще не черпали влаги
Из Кирейской струи, но жили в долинах Азилы.
(Callim. h. Apoll. 88–89)

Для Каллимаха очень важно подчеркнуть участие Аполлона в основании Кирены, поэтому о пророчестве аргонавтам он даже не упоминает. Но всю предысторию, связанную с заселением острова Феры, а затем уже и ливийского берега, он прекрасно знает и довольно подробно передает в достаточно сложном пассаже второго гимна:

Царь Аполлон, именуют тебя Боедромием люди,
Кларием кличут тебя: имена твои многи повсюду.
Я же Карнеем зову – таков мой обычай природный!
Ибо Карнею была обителью первую Спарта,
Фера за нею второй, а третьею – город Кирена:
Чада Эдипа в колене шестом из Спарты с собою
В Феру тебя привели, о Карней; а после из Феры,
Здравье найдя, Аристотель привел к земле Асбистийской...
(Callim. h. Apoll. 69–76)

Каллимах прекрасно помнит, что Карней – дорийский бог, что Аполлон Карнейский прежде всего почитался дорянами в Спарте (ст. 72 «Ибо Карнею была обителью первую Спарта»). Затем спартанский царь Фера, потомок Эдипа в шестом колене (ст. 74 «Чада Эдипа в колене шестом»), из Спарты вывел поселение дорян на остров Каллисту, дал этому острову свое имя Фера, а из Феры уже Аристотель – Батт привел поселенцев в Египет, к земле Асбистийской. По Геродоту (Hdt. 4. 147) родословная восстанавливается так: Эдип – Полиник – Ферсандр – Тисамен – Автесион – Фера.

Учитывая все разнообразие в деталях и подробностях, связанных с основанием Кирены, передаваемых разными авторами, можно предположить, что в древности бытовало несколько вариантов мифа, что со временем происходила контаминация отдельных мотивов, образов, разных версий, и ко времени Ликофрона, Каллимаха и Аполлония Родосского это была уже почтенная традиция с многочисленными

⁸ Перевод гимна Каллимаха «К Аполлону» здесь и далее приводится по изданию: Каллимах. Гимны / Пер. С.С. Аверинцева // Александрийская поэзия. М., 1972.

нарративными линиями. Поэтому александрийцы, прекрасно знакомые с этой традицией, имели возможность актуализировать из нее те сюжетные линии, образы и мотивы, которые отвечали их творческим замыслам и стилистически обрабатывали их в соответствии со своими поэтическими задачами.

Суммируя все, пророчество об основании Кирены у Ликофрона, на наш взгляд, можно понять так. После того как колхидянка (понятно, Медея) отпрыску Нерееву (читай: Тритону) дала щедрый дар (скорее это был золотой кратер), Тритон, не меняя своего двубразного облика (полурыбы-получеловека) произносит пророчество об основании Кирены: греки возьмут землю Тавхирскую (т.е. Ливийскую) во владение, когда ливийский народ, т.е. асбисты, уйдет из родной земли, страшась, чтобы греки не основали сто своих городов в отместку за спрятанный в земле золотой кратер и вторично (первый раз это был ком земли, подаренный Тритоном) подарит им свои земли.

Таким образом, киренское пророчество у Ликофрона, как мы видим, становится понятным, если мы учтем всю традицию, разные варианты, сохранившиеся у разных авторов. И для эллинистической поэзии это очень важный и характерный момент, он подтверждает многие случаи иносказательных совпадений или, наоборот, несовпадений у разных эллинистических поэтов. Александрийцы как будто соревнуются между собой, кто найдет наиболее забытую, наиболее древнюю деталь того или иного мифа. Как мы видим, факт пророчества помнят и передают все авторы, а вот детали и подробности у всех разные.

И в данном случае нас интересует не сам миф и его разные версии и линии, а то, как этот миф и его детали передаются у разных авторов. Стилистически более близкими, судя даже по небольшим анализируемым фрагментам, были Ликофрон и Каллимах. При всей гипотетичности наших сведений о жизни и творчестве Ликофрона и Каллимаха, считается, что к тому времени, когда Каллимах был привлечен Птолемеем II к работе в александрийской библиотеке (это, скорее всего, начало восьмидесятых годов III в. до н.э.), там уже несколько лет трудились Зенодот, Александр Этолийский и Ликофрон. Называя эти имена в связи с работой в библиотеке, Иоанн Цец замечает: «Каллимах, будучи моложе, позже появляется при дворе»⁹. Каллимах действительно относился к более молодому поколению сотрудников. Ликофрон был старше его и по возрасту, и по стажу работы в библиотеке. Его поэма «Александра», если принять предполагаемую дату написания – 309 г. до н.э., была написана задолго до создания гимнов Каллимахом.

Конечно, Каллимах, будучи киренцем по рождению и считая себя потомком далекого предка, основателя Кирены Аристотеля – Батта, к мифу об основании Кирены относится особенно внимательно и тепло: все это для него родное и, как он пишет, «отцовское» (Callim. h. Apoll. 11. 71). Кирене, ее покровителю Аполлону он посвящает самый лирический из всех гимнов – второй. Но сама легенда об основании Кирены у него воспроизводится, как мы видели, усеченно, лишь с момента второго пророчества – пророчества дельфийского Аполлона. Почему Каллимах опускает первое пророчество, данное Тритоном аргонавтам, столь выигрышное во всех отношениях и важное для него в данном киренском контексте? Конечно, первое, что приходит на ум: поэт хочет, чтобы киренская история началась с его предка Батта. Но среди разных возможных точек зрения на этот счет позволим высказать следующее суждение. Нам уже приходилось писать о том,

⁹ Подробный комментарий данного контекста И. Цеца см. Mellier 1979, 13–14.

что александрийцы, скорее всего, внимательно и ревниво следили за творчеством друг друга, и в случае совпадения тем, сюжетов, мотивов, образов старались избегать повторов¹⁰. Приведу лишь один пример. Мифология Аполлона – важнейшая тема и для Каллимаха, и для Аполлония Родосского: Каллимах посвящает Аполлону два гимна из шести, у Аполлония Родосского мифология Аполлона пронизывает всю поэму. Но при всей близости аполлоновских сюжетных линий, у того и другого весьма заметна такая закономерность: версии мифа, достаточно полно изложенные у Каллимаха, едва упоминаются у Аполлония, и наоборот: там, где Каллимах дает лишь намек на какую-либо мифологическую ситуацию, упоминает лишь имя, у Аполлония – полное и развернутое описание. Известно, например, насколько Каллимаху важно все, что связано с Киреной, как подробно во втором гимне он описывает храм и алтарь Аполлона, пышные Карнейские торжества, хоровод ливиек, историю возникновения этого культа и т.д. Умолчит только об одном – о любовной истории Аполлона и нимфы Кирены (а ведь она дала имя его родному городу!), вскользь лишь упомянув, что Кирена – подруга Аполлона (Callim. h. Apoll. 94–95). Зато Аполлоний во второй песни «Аргонавтики» подробнейшим образом расскажет о похищении Аполлоном Кирены, об укрытии ее в Ливии, о рождении у нее сына Аристея, а также и всю дальнейшую историю Аристея (Apoll. Rhod. 2, 500–527). С другой стороны, Аполлоний, перечисляя все известные храмы Аполлона, удивительным образом обойдет молчанием храм на Делосе, лишь кратко упомянув несколько раз сам остров (Apoll. Rhod. 1. 308, 419, 537; 4. 1705). Не потому ли, что Каллимах посвящает Делосу целый гимн и подробнейшим образом излагает не только историю рождения Аполлона и Артемиды на нем, но и устройство знаменитого рогового алтаря, храма, храмовые торжества в честь Аполлона и т.д.?

К подобным контекстным «несовпадениям» можно отнести, на наш взгляд, и обращение к истории основания Кирены у Ликофрона и Каллимаха: Ликофрон при всей краткости и загадочности изложения все-таки упоминает историю с аргонавтами, Каллимах ее обходит совсем. Так александрийцы, на наш взгляд, варьируя детали, стараются оживить старый, хорошо известный миф; их цель – не повторять всем известные подробности, а с помощью редких частных и деталей заставить миф зазвучать по-новому.

Второе пророчество – о смерти и захоронении Одиссея. Одиссей – популярнейший герой греческой мифологии, и его история известна лучше, чем чья-либо еще. Не поэтому ли пророчество Кассандры Одиссею у Ликофрона не только одно из самых больших (Lycophr. 648–819), но и одно из самых загадочных и труднообъяснимых? Нас в данном случае интересует только та его часть, которая касается смерти и захоронения Одиссея. Вот это пророчество:

Умрет, как ворон, дряхлый, при оружьи он
В лесах неритских, больше уж не друг морям.
Сразит его, вонзившись в бок, губящая
Та пика, что несет сардонской рыбы шип.
И назовется сын отца убийцею,
Ахилловой супруги брат двоюродный.

(Lycophr. 793–798)

Несколькими стихами дальше автор скажет и о могиле Одиссея:

¹⁰ Завьялова 2009, 71–74.

Гора тирсенов, Перга, примет прах его,
В земле Гортинской на костре сожженного.
(Lycophr. 805–806)

Понимать это пророчество, очевидно, следует так. Одиссей доживет до глубокой старости, умрет уже дряхлым стариком (ворон – во многих мифологиях выступает как символ долголетия). Умрет в сражении – «при оружии», В «лесах неритских» – на Итаке северная горная вершина хребта, который пересекал остров, называлась Нерита, в древности была покрыта лесами. Сын Телегон называется «убийцею отца», убьет он его пикию в бок, острие пики будет ядовитым «шипом рыбы», которая водится у острова Сардинии. Сардон – древнее название Сардинии. «Ахиллова супруга» – здесь Медея, которая по одному из мифов стала посмертной супругой Ахилла. А поскольку отец Медеи – Этт и мать Телегона Кирка были братом и сестрой, то Медея и Телегон – двоюродные брат и сестра. Поэтому Телегон назван у Ликофрона «Ахилловой супруги брат двоюродный».

Могила Одиссея, согласно Ликофрону, находится в Этрурии, так как тирсены или тирренцы начиная с VI–V вв. до н.э. ассоциировались с этрусками, что подтверждается Геродотом (Hdt. 1. 94) и двуязычными надписями. Гортина – название многих городов, самый известный из которых – город на Крите, но так же назывались города в Македонии, Аркадии и других местах. Такое же название в древности носил этрусский город Кортонна.

Конечно, данное предсказание – одна из многочисленных существующих версий, многие детали которой могут быть оспорены. Однако, принимая во внимание многочисленные италийские мифологические линии, берущие начало в Одиссеевой мифологеме, это один из важных ключевых моментов греко-римских мифологических связей, требующих отдельного специального исследования. Поэтому ликофроновская версия – важнейшее звено в общей цепи греческой традиции.

Гомер из всех героев троянской войны, как известно, подробнее других останавливается на судьбе Одиссея. Из Гомера мы не только узнаем подробнейший рассказ о десяти годах его странствий (Od. V–XII песни), но и о его возвращении на Итаку, о расправе над женихами и о том, что с согласия Зевса Афина устанавливает мир между Одиссеем и родственниками убитых женихов. Но и после этого Одиссея ожидают долгие странствия – об этом пророчат в поэме Кирка (Od. XII. 37–141) и Тиресий (Od. XI. 100–137).

В XI песни Тиресий, как известно, предсказывает Одиссею судьбу после возвращения домой. После расправы над женихами по словам Тиресия, Одиссей снова должен отправиться в путь и должен странствовать до тех пор, пока не увидит людей «моря не знающих, пищи своей никогда не солящих» (Od. XI. 123). Он должен прийти, наконец, к людям, которые никогда не видели «кораблей быстроходных» и не знают весел корабельных. И только тогда странствие для Одиссея окончится, когда он встретит путника, который спросит: «Что за лопату несешь на блестящем плече, иноземец?» (Od. XI. 127)¹¹.

Вот только тогда – наставляет Тиресий –
«В землю весло водрузи – ты окончил свое роковое
Долгое странствие».

(Od. XI. 129–130)

Лишь после этого Одиссей может вернуться домой:

¹¹ Перевод «Одиссеи» Гомера здесь и далее приводится по изданию: Гомер. Одиссея / Пер. В.А. Жуковского. Издание подготовил В.Н. Ярхо. М., 2000.

И смерть не застигнет тебя на туманном
Море; спокойно и медленно к ней подходи, ты кончину
Встретишь, украшенный старостью светлой, своим и народным
Счастьем богатый.

(Od. XI. 134–137)

У Гомера, как видим, ничего не сказано о том, что смерть Одиссей должен получить от руки своего младшего сына от Кирки – Телегона. Гомер ничего не знает о Телегоне. О Телегоне впервые упоминает Гесиод в «Теогонии» (1014): «И Телегона она родила чрез Киприду златую».

Согласно античной традиции, поэму о Телегоне написал киренский эпический поэт VI в. до н.э. – Евгаммон¹². Поэма состояла из двух книг; сравнительно с другими поэмами троянского цикла она была небольшой. Сохранился краткий синопсис в извлечениях Фотия из «Хрестоматии Прокла» (II в. н.э.) и два маленьких фрагмента.

Реконструкция сюжета поэмы Евгаммона принята такая. Телегон, родившийся после отъезда Одиссея, достигнув определенного возраста, по совету матери отправляется в морское путешествие на розыски отца. Высадившись на берег Итаки и приняв ее за соседний остров, Телегон начал разорять остров и угонять овец из стада. Одиссей и его сын Телемах были вынуждены выйти против него с оружием. Телегон, не зная, что перед ним отец, смертельно ранил Одиссея. Неясно, упоминалось ли в «Телегонии», каким оружием был убит Одиссей. Но считается, что наконечник копья Телегона вместо металлического мог быть шипом морского ежа, или ромбового скага, или сардинской ядовитой рыбы. Во всех случаях такой укол считался неизлечимым. Так все-таки исполняется предсказание Тиресия, что смерть настигнет Одиссея «из моря» (греч. ἐξ ἁλός). Затем Телегон, узнав о своей ошибке, вместе с Пенелопой и Телемахом перевозит тело отца на остров своей матери. И вот дальше уже не очень ясно: по одной версии, Кирка воскресила Одиссея из мертвых, по другой – тело Одиссея было перевезено в Тиррению и сожжено на горе Перге.

Последняя версия была популярна в греческой прозе – и историки, и мифографы охотно ее передают. Феопомп (FHG 1), историк IV в. до н.э., писал, что Одиссей умер в Этрурии и похоронен был там же на горе Перга у Кортоны.

Гигин считает, что захоронен Одиссей был на острове Кирки – Ээе. При этом добавляет, что Телегон взял в жены Пенелопу, а Телемах – Кирку. От этих браков «У Телемаха и Цирцеи родился Латин, который дал свое имя латинскому языку, а у Телегона и Пенелопы Итал, который назвал своим именем Италию»¹³.

Важным источником сведений о судьбе Одиссея после возвращения на родину является Аполлодор (Epit. VII. 34–38)¹⁴. По Аполлодору, Одиссей после расправы над женихами отправляется в сухопутное путешествие: он пешком идет через Эпир и приходит к феспротам, одному из четырех главных племен Эпира, где царствовала тогда Каллидика. Она стала просить Одиссея остаться, предложила ему царскую власть. Одиссей женился на ней, стал царем феспротов и нанес поражения соседям – бригам. Каллидика родила ему сына Полипойта. После смерти Каллидики Одиссей передал власть сыну и вернулся на Итаку. По другой версии, которую также сообщает Аполлодор, Одиссей отправился в Этолию к Фоанту,

¹² West 2003; История греческой литературы... 1946, 158. Считается, что у Ликофрона была трагедия «Телегон» (Гигин 1997, 180).

¹³ Гигин 1997, 180.

¹⁴ Аполлодор 1972, 98.

где женился на дочери Фоанта, родил сына Леонтофона, здесь же состарился и умер. В Этолии и Эпире он почитался как герой, наделенный даром посмертного прорицания. Возможно, что здесь издавна существовал местный культ Одиссея, распространившийся затем и в Италии.

Таким образом, в греческой традиции смерть застигла Одиссея в глубокой старости и умер он от ранения или на Итаке, или в Этолии, или в Эпире, а похоронен, возможно, в Этрурии или на острове Эе.

В обоих проанализированных предсказаниях, как видим, Ликофрон из всех мифологических нарративных линий выбирает лишь отдельные «ключевые слова», своеобразные списки ссылок на мифологические линии, угадав которые, читатель сам восстанавливает тот или иной сюжет. Изысканность поэтического языка почти у любого александрийца предполагала исключительно ученого читателя, знатока всей греческой литературы. Подобные замысловатые слова и загадки у Ликофрона идут на протяжении всей поэмы, подтверждая задуманную автором стилизацию пророчества. И если для греческой классики «темная поэтика оракулов» не характерна как явление культуры, то в эпоху эллинизма эстетика загадки берет, по выражению С.С. Аверинцева¹⁵, «настоящий реванш».

С другой стороны, любой александрийский поэт, и Ликофрон в том числе, используя то или иное иносказание, вводя совершенно явно литературный подтекст, безусловно, рассчитывает на читательское (пусть даже избранное) понимание. Когда Ликофрон в первом пророчестве вместо «Медея» скажет «колхидянка» (Lycophr. 887), вместо «Тритон» – «бог двуобразный, сын моря» (Lycophr. 892), вместо «Елена» – «супруга злополучная, похищенная» (Lycophr. 820), вместо «асбисты» – «народ ливийский, дикий эллину» и т.д., он, конечно, рассчитывает на то, что его читатели эти иносказания вполне поймут.

Пророчества Кассандры в поэме могут быть пространными и подробными. Например, второе из приведенных нами пророчеств, когда Кассандра подробно, со всеми предшествующими войне и последующими событиями, вплоть до смерти, предсказывает судьбу Одиссея и его спутников. Предсказания Кассандры могут быть и достаточно краткими и беглыми – разница будет лишь в количестве «ключевых слов». Общее всегда одно – широчайший захват мифологии и масса иносказательно выраженных деталей и подробностей.

Для александрийских поэтов широкое использование иносказания на самых разных уровнях – излюбленная манера, их стиль. Впервые в эллинистической поэзии «поэтическое выражение, – пишет Н.П. Гринцер¹⁶, – наделяется способностью выражать больше, чем заключено непосредственно в словах, и это становится отличием поэтического слова от обыденной речи, особенностью, требующей специальной процедуры истолкования». И, как следствие, «формальный уровень произведения, его словесная структура все больше выходит на первый план».

Поэтическая усложненность, порой «закодированность» касается не только отдельных словоупотреблений, редких глосс и именовании. Текст Ликофрона современному читателю часто приходится отгадывать как своеобразный ребус. Александрийцы впервые широко используют литературный подтекст, требующий текстуальной и интертекстуальной «расшифровки». При всей неизбежной гипотетичности нашей реконструкции авторского замысла почти любого александрий-

¹⁵ Аверинцев 1997, 137.

¹⁶ Гринцер 2010, 84.

ского поэта с уверенностью можно констатировать лишь одно: автор надеялся на читательское соавторство, на его знание и понимание. Когда Каллимах пропускает первое пророчество Тритона или ничего не пишет о любовной истории Аполлона и нимфы Кирены, он, скорее всего, как и Ликофрон, рассчитывает на такого читателя, для которого не надо повторять известные мифы, который хорошо знает и литературную традицию, и творчество своих современников, с которыми автор вступает в поэтический диалог. Только на основании такого диалога может возникнуть понимание. По Х.Г. Гадамеру¹⁷ понимание – основной модус существования культуры и ее ключевого механизма – традиции. Это, как пишет Х.Г. Гадамер, «действенно-историческое сознание», которое актуализирует любое произведение как звено в цепи интерпретаций, причем таким образом, что оно становится источником бесконечного диалога.

Можно только надеяться, что теперь, с появлением впервые поэтического перевода Ликофрона на русский язык, его поэма станет более открытой для читателей и интерпретаторов к такому бесконечному диалогу.

Литература

1. *Аверинцев С.С.* 1997: Поэтика ранневизантийской литературы. М.
2. *Аполлодор* 1972: Мифологическая библиотека / Издание подготовил В.Г. Борухович. Л.
3. *Гадамер Г.Г.* 1988: Истина и метод / Пер. с нем.; Общ. ред. и вступ. ст. Б.И. Бессонова. М.
4. *Гигин* 1997: Мифы / Пер. с латин., комм. Д. Торшилова. СПб.
5. *Гринцер Н.П.* 2010: Античная поэтика // Европейская поэтика. От античности до эпохи Просвещения. Энциклопедический путеводитель. М.
6. *Завьялова В.П.* 2009: Каллимах и его гимны. М.
7. История греческой литературы 1946: Т. 1. Эпос, лирика, драма классического периода. М.–Л.
8. *Ликофрон* 2011: Александра / Пер. с др.-греч. и комм. И.Е. Сурикова; вступ. ст. А.В. Мосолкина // ВДИ. 1, 216–233; 2, 234–267.
9. *Лосев А.Ф.* 1957: Античная мифология в ее историческом развитии. М.
10. *Mellier C.* 1979: Callimaque et son temps. Recherches sur la carrière et la condition d'un écrivain à l'époque des premiers Lagides. Lille.
11. *Mooney G.W.* 1921: The Alexandra of Lycophron / With English Translation and Explanatory Notes. L.
12. *West M.L.* 2003: Greek Epic Fragments. Cambr. (Mass.).

TWO PROPHECIES OF CASSANDRA

V. P. Zavyalova

Analysing two of Cassandra's prophecies in Lycophron's poem *Alexandra* (dealing with the foundation of Cyrene and Odysseus' death and burial) the author shows that the poem can only be understood in the light of aesthetic principles of Hellenistic poetry. Like other Alexandrian poets, Lycophron composes his work on a broad basis of mythological tradition, using variants and variations of myths and plots and their interpretations by previous authors. He is interested not so much in a plot or a motif itself, but in poetical nuances and mythological details. Cassandra's prophecies can be short (as in the case of the foundation of Cyrene) or extensive (as in the case of Odysseus), but the mythological background is always deep and vast, and to decipher the message one must take into account the whole of the mythological tradition.

Keywords: Lycophron, Alexandra, Callimachus, Apollonios of Rhodes, Alexandrian poetry, poetical allegory, variants of myth.

¹⁷ Гадамер 1988, 211.